

СОЦИАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ДИАГНОСТИКИ СОСТОЯНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

С позиций перспектив поддержания общественной безопасности в локальных городских сообществах анализируется опыт использования пространственного метода анализа межэтнической ситуации – метода совместного социального картирования в его эскизном и масштабном вариантах. Доказывается, что его применение позволяет не только оценить межэтническую ситуацию на территории, но, опираясь на специфику конструируемого образа территории в тех или иных этнических группах, оценить состояние и перспективы их интеграции в принимающее сообщество.

Ключевые слова: межэтнические отношения, национальная, общественная безопасность, социальное картирование, локальное территориальное сообщество.

Skalaban I. A.

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

SOCIAL MAPPING AS A DIAGNOSTIC METHOD FOR TERRITORIAL CROSS-ETHNICAL RELATIONS IN CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

This article analyzes the experience of using method of spatial analysis of cross-ethnic situation – method of collective social mapping in both its sketch and large-scale forms – from the perspective of maintaining social security in local urban communities. It proves that its employment allows not only to assess the cross-ethnic situation on given territory, but also, by relying on specifics of the image of territory constructed by ethnic groups, to evaluate the state and perspectives of their integration into local community.

Keywords: cross-ethnic relations, national, social security, social mapping, local territorial community.

Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений для Российской Федерации всегда являлось одним из ключевых условий национальной безопасности. Это подтверждается государственными документами, концептуализирующими и легитимирующими эту проблему. Однако если внимательно изучить «Концепции...», «Стратегии...» национальной безопасности РФ последних десятилетий, ежегодные «Послания президента федеральному собранию», то становится все более очевидным ускорение «пространственного» разворота в ее осмыслении и позиционировании. Казалось бы, значимым источником и проводником этого служит нарастающая глобальная и региональная нестабильность, вызывающая формирование новой полицентричной модели мироустройства, все более высокая активность России на международной арене. Тем не менее пространственный дискурс осмысления проблем и задач национальной безопасности проявляет себя и внутри страны.

Так, в опубликованной в конце 2015 г. «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [8], в отличие от предыдущих документов, речь шла не только об общих для России приоритетах национальной безопасности и общих национальных интересах, но дискурсивно указывалось на их территориальный контекст: дифференцированность состоя-

¹ Работа выполнена за счет гранта РГНФ (РФФИ), проект №16-03-00144.

ния и необходимость сбалансированного территориального развития, совершенствования национальной системы расселения, обеспечения баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов, обоснованном территориальном распределении трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах. Даже в отношении вооруженных конфликтов, речь шла уже не об отдельных очагах, как указывалось в Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. [5], а о территориях конфликтов, которые становятся базой для распространения терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды и иных проявлений экстремизма.

В 2018 году, спустя два года, в Послании президента федеральному собранию речь идет уже о масштабной программе и стратегии пространственного развития России, где крупные города должны распространять свою энергию, служить опорой для сбалансированного, гармоничного пространственного развития всей России. Пространство рассматривается многомерно и включает в себя не только физическое, но и различные аспекты социального пространства: от глобального информационного до пространства свободы [6].

Нельзя не согласиться с рядом авторов, которые указывают на определенную метафоричность подобных репрезентаций, которая лишь отчасти преодолевается через проявление социального пространства в пространстве физическом [3, 7, 9, 11]. Однако сам факт включения пространственной риторики в государственно-политический дискурс свидетельствует о наличии так называемого «пространственного поворота» в сфере принятия стратегических управленческих решений. Сегодня «опростраствление» как способ анализа сложившейся ситуации и ее изменений все шире проникает в социальную, экономическую сферы, что требует поиска и иных методов анализа текущих социальных процессов. Важным ресурсом для этого стал теоретический и методологический задел, накопленный в ходе кроссдисциплинарных исследований последних десятилетий, осуществляемых в русле идей Э. Соджа, Д. Харви, А. Лефевра, М. Фуко, П. Бурдьё. Он фокусироваться не только на опознаваемом объективном пространстве, но и на пространстве, «которое общественно создано при условиях многочисленных неодинаковостей, противоречий» [4, с. 171].

Последнее касается и «святая святых» географии – картографической идентификации. Сегодня оно представляет собой не только знание положения того или иного объекта в географическом пространстве [9], но и в социальном, с учетом его субъективной, интерпретативной составляющей.

В широком смысле картографирование (картирование)¹ есть конструирование, моделирование некоторых аспектов окружающей среды, отображенных по определенному основанию и значимых для достижения поставленной исследовательской задачи. В свою очередь пространственно-

---

¹ В статье понятия картографирование и картирование рассматриваются как синонимы. Результаты более детального анализа их значений представлены в работе Вавилина Н. Д., Скалабан И. А. Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории. Новосибирск : Сибпринт, 2015. С. 7–12.

графическое картирование, о котором идет речь, представляет собой отображение реально существующего объекта в пространственно определенной системе вне зависимости от его масштабов и качественных характеристик. Его частным случаем выступает редко используемый в российской исследовательской практике метод *совместного социального картирования*, под которым понимается метод группового интервью с процедурой построения эскизной или масштабной карты, направленный на сбор социально-пространственных данных о сообществе и территории с целью диагностики ситуации и вовлечения участников в проекты развития территории [1].

В качестве исследовательского метода совместное социальное картирование обеспечивает широкий доступ к информации, соединяющей в себе представления субъекта, группы, отношений о сообществе и пространстве и их образы, с одной стороны, и объективированную информацию о локализованном пространстве, объектах и практиках – с другой. Поэтому он может стать одним из значимых методов сбора информации о сообществе и территории, наряду с индивидуальными интервью, опросами. В зависимости от задач исследования, информация, полученная в ходе построения карт, может быть дополнена глубинными интервью других жителей поселения, представителей местных органов власти, их краткими опросами о традициях и нормах взаимодействия и мобильности, характере соседства и т. д. Если поставлена задача диагностировать ситуацию, например, напряжений или конфликтов на территории, совместное картирование может быть дополнено созданием индивидуальных карт.

Использование метода картирования и его инвариантный характер, открывает возможности для символического отображения и последующего анализа как текущих социальных, в том числе, и этносоциальных, этноконфессиональных процессов в пространственно-локализованных сообществах. Он может использоваться для фиксации как количественных и качественных изменений этносоциальных групп, выделения специфики межэтнических, междиаспоральных и внутрдиаспоральных отношений, анализа характера напряженности и конфликтности, так и реконструкции, к примеру, образов территории, лежащих в основе сформировавшихся у жителей идентификационных моделей социального и физического пространства.

Метод совместного социального картирования многовариантен, что позволяет подстраивать его под решение приоритетных задач. Исследователь может прибегать к методу масштабного нормативного социального картирования, масштабного эскизного картирования и эскизного картирования [2, с. 509–529].

Масштабное нормативное картирование наиболее привычно и используется скорее для отображения корректных геоинформационных данных, в том числе в виде интерактивных карт, которые могут быть дополнены, пространственно распределенными статистическими или социологическими данными об этническом, религиозном составе населения, миграционных потоках и их динамике на уровне локальной территории, города или региона, уровне напряженности и конфликтности в сфере этноконфессиональных отношений (рис. 1)

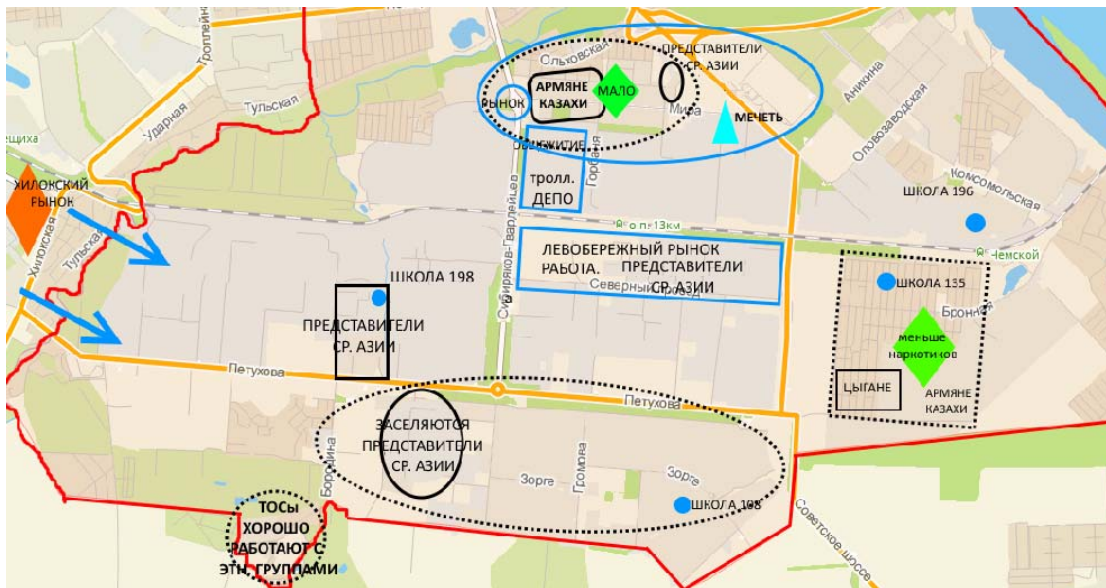

Рис. 1. Карта мобильности, преимущественного расселения и распределения трудовых ресурсов мигрантов, этнических групп в одном из районов г. Новосибирска
 Примечание: Ромбами отмечены места усиления /ослабления межэтнической напряженности.
 Карта носит оперативно-управленческий характер. (Скалабан И. А., Дерига Е. С., 2014).

Масштабное эскизное картирование осуществляется с помощью привлеченных экспертов. Оно представляет собой произвольное изображение информантами мест расселения отдельных этнических групп, трудовой активности мигрантов, позитивных и негативных практик общественной активности в этносоциальной сфере на выделенном территориальном фрагменте с помощью карт. Основанием служат карты, имеющие координатную основу. В случае эскизного картирования территориальное пространство изображается информантами произвольно, по памяти, поскольку перспективное пространство картирования находится в пределах воображаемого пространства их жизненного мира. Картографические обозначения вводятся по договоренности между участниками. В данном случае исследователями привлекается информация интерпретативного характера, представляющая собой уникальный взгляд на территорию, сообщество, межэтнические отношения, конструируемый группой в ходе создания карты (рис. 2).

Именно эскизное картирование в наибольшей степени позволяет выделить и оценить чрезвычайно значимые для поддержания общественной безопасности и социального развития поселения особенности сообществ, потенциал участия и механизмы влияния жителей на активность их жителей, которую Д. Харви и А. Лефевр называли «правом на город». Его важными показателями выступают изменения в интерпретации «свой» – «чужой», особенности восприятия территории и сообщества, выделения значимых для той или иной этногруппы социальных ресурсов, доступность для местных жителей и новых инокультурных групп существующей локальной и городской среды, интегрированность последних в местные сообщества, пространственное распределение и организация власти, формы самоорганизации и общественной активности в сообществе, а также вклю-

ченность тех или иных групп жителей в процессы принятия решений. За счет этого определяются пространственные дисбалансы в распределении этносоциальных групп и их доступе к общественным ресурсам на территории, прогнозировать перспективы общественной и этнической мобилизации в локальных территориальных сообществах в ситуации кризисов и конфликтов.

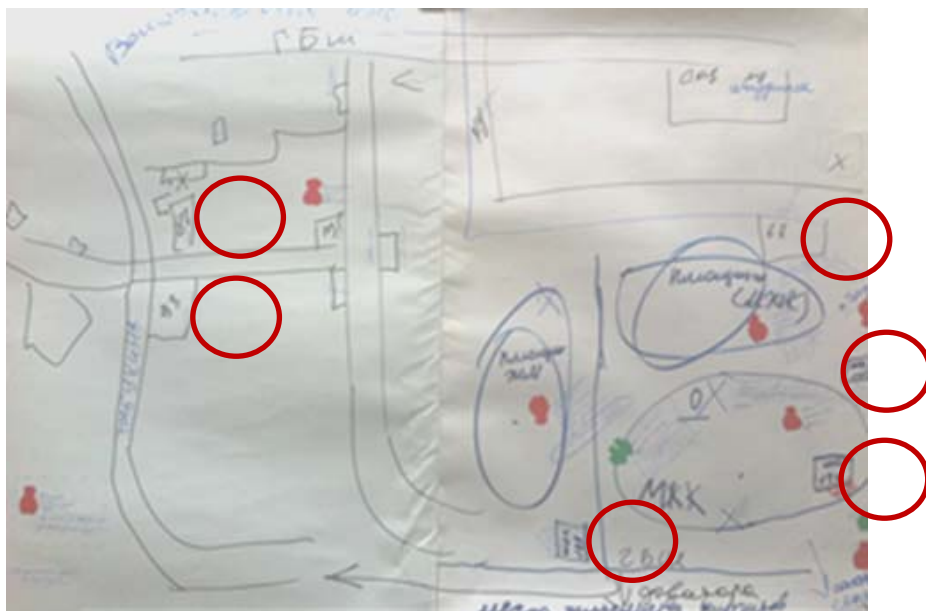

Рис. 2. Карты территорий проживания, изображенные представителями киргизской диаспоры, живущих в г. Новосибирске от пяти до пятнадцати лет
Примечание: Окружностями выделены наиболее изображаемые информантами объекты – школы [2016].

Несмотря на то что мониторинговый характер таких исследований существенно усилил бы значимость получаемой информации, особую актуальность они приобретают в условиях существенных изменений, происходящих на территории. Опыт мониторинговых исследований этноконфессиональной сферы с использованием методик картирования применялся Центром исследования городских конфликтов Кембриджского университета (Великобритания) с целью изучения характера напряженности и конфликтов в таких городах как Белфаст (межрелигиозные отношения), Иерусалим (отношения в этнических анклавах и в старом городе) [13]. Он позволил исследователям установить, что основной фокус анализа конфликтности современного мультиэтнического города находится на пересечении процессов урбанизации, этничности, религиозности и насилия.

Однако масштабное картирование, произведенное с участием экспертов в Новосибирске в 2014 г., показало, что распределение этнических групп межэтнических отношений в условиях высокой миграционной активности в крупном городе носит неравномерный характер, концентрируясь преимущественно на периферии города, особенно в тех районах, где расположены крупные региональные рынки. Но даже в этом случае, наиболее высокий уровень риска наблюдается в новых спальнях окраинных

микрорайонах, где присутствует новое население, не имеющее опыта повседневных взаимодействий с представителями инокультурных групп. Дополнительным фактором, способным выступить катализатором общественной мобилизации становятся крупные строительные инфраструктурные проекты, аккумулирующие значительное число трудовых мигрантов.

Картирование, осуществляемое с участием экспертов – специалистов муниципальных служб, органов власти, образовательных учреждений, силовых структур, органов территориального самоуправления различных территорий крупного города, а затем и эскизное картирование с участием жителей, позволило выявить территории, где наблюдаются процессы анклавизации, зоны концентрации маргинальных групп, идентифицировать стратегии конкуренции и приватизации группами местных и приезжих общественного пространства в повседневных практиках и как следствие, повышение этнически окрашенной конфликтности в традиционных «зонах безопасности» локальных территорий – «пространствах жизни»: в школах, на спортивных площадках и даже рядом с песочницами.

Более детальный анализ состояния межэтнических взаимодействий на территориях длительного компактного проживания представителей этнических групп (не анклавов) при стабильном составе местного населения, поддержании правопорядка, активности и авторитете общественных органов территориального самоуправления показал, что в таких случаях межэтническая напряженность имеет тенденции к ослаблению, наблюдается нормализация межэтнических отношений. Важными показателями этого случит ослабление значимости «другого» и этнической идентификации в повседневном взаимодействии, актуализация соседского дискурса.

В свою очередь, выборочные исследования с использованием методики эскизного картирования в ряде микрорайонов г. Новосибирска 2016/17 гг. с высокой плотностью инокультурного населения, преимущественно выходцев из Средней Азии, имеющих российское гражданство и ориентированных на проживание на территории Российской Федерации позволили зафиксировать достаточно медленный процесс адаптации и интеграции «новых» и «старых», их ориентацию скорее на освоение городской среды, чем вхождение в локальное сообщество, а также длительность и многофакторность процессов адаптации к приезжим местного населения, что сохраняет угрозу общественной безопасности, риски приватизации общественных пространств теми или иными этническими группами, усиления экстремистских настроений и ксенофобии.

Вместе с тем, проведенные исследования позволили подтвердить плодотворную мысль Е. В. Тюрюкановой, об иной природе настроений среди принимающего населения, названных ею «новой ксенофобией». Её источником является не столько традиционные проблемы распределения материальных ресурсов и власти, сколько культурная отдаленность пребывающих новых инокультурных групп [10].

Литература

1. Вавилина Н. Д., Скалабан И. А. Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории. Новосибирск : Сибпринт, 2015. 304 с.
2. Внешние и внутренние региональные конфликты в современном обществе: тенденции развития и возможности управления / под ред. А. Г. Большакова, Т. З. Мансурова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. 716 с.
3. Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
4. Макогон Т. И. «Пространственный поворот» и возможность инновационных подходов в социально-философском дискурсе // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. №6. С. 167–172.
5. О концепции национальной безопасности : указ Президента РФ от 10.01.2000. № 24.
6. Послание президента Федеральному собранию. 01.03.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/56957> (дата обращения: 15.01.2018).
7. Социальное пространство современного города / под ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 252 с.
8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.
9. Трубина Е. Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации // Политическая концептология. 2011. №4. С. 34–49.
10. Тюрюканова Е. В. Инокультурная миграция. Другой не будет. // Независимая газета. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-11-23/13_migraciya.html (дата обращения: 15.01.2018).
11. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 290 с.
12. Харви Д. Право на город / пер. с англ. А. Смирнова // ЛОГОС. Город. 2008. № 3(66). С. 80–94.
13. Conflict in Cities and the Contested State. Centre for Urban Conflicts Research. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbanconflicts.arct.cam.ac.uk/research-projects/conflict-in-cities> (дата обращения: 02.04.2015).

УДК 316: 351.761

Шинкевич В. Е., Калининченко Я. Н.

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

МОНИТОРИНГ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ НАРКОСИТУАЦИИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

На основе результатов социологических исследований, проведенных в 2012–2017 гг. в рамках ежегодного мониторинга, анализируется наркоситуация, сложившаяся в Красноярском крае. Авторы обосновывают опасность наркомании для современного общества, представляют свое видение решения некоторых проблем организации профилактической работы по противодействию распространению наркомании, по формированию культуры здорового образа жизни.

Ключевые слова: наркоситуация, наркомания, психоактивные вещества, мониторинг, социальные проблемы, профилактика, реабилитация.

Shinkevich V. E., Kalinichenko Y. N.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk

MONITORING AS A METHOD OF ASSESSMENT OF DRUG SITUATION BASED ON THE RESULTS OF SOCIAL RESEARCH IN THE KRASNOYARSK TERRITORY

This article analyses the drug situation in the Krasnoyarsk Territory based on the results of the social research conducted in 2012–2017 within the annual monitoring. The authors prove the danger of drug addiction to the modern society; propose their solutions on counteraction to drug addiction and on formation of the culture of healthy living.